

Владимир СКВОРЦОВ

Скворцов Владимир Степанович родился 25 марта 1954 г. в деревне Климовщина Новгородской области. Служил в армии, награждён медалью «За отвагу на пожаре». Окончил факультет журналистики ЛГУ (1980), работал редактором радиовещания в Выборге, заведующим подготовительных курсов ЛГУ, заместителем директора международной фирмы. Поэт, переводчик, общественный деятель. Президент Некоммерческого партнёрства поддержки литераторов «Родные просторы», главный редактор журнала «Невский альманах». Член Союза писателей России и Союза писателей Санкт-Петербурга. Автор 14 книг, лауреат многих литературных премий и конкурсов.

НАМ ВСЕМ НА ЖИЗНЬ ОТПУЩЕНО НЕМНОГО

РОВЕСНИЦА

Спит монета-ровесница
на ладони моей.

Я смотрю — и не верится:
одногодки мы с ней!
Покорёжена, мятая,
вся черна и горька...
И попалась, проклятая,
у пивного ларька.

Отswerкала строптивая
у хапуг и рвачей...
Ты, как я, несчастливая.
Я, как ты, был ничей.
Мы для всех — лишь прохожие,
нам приятель — любой...
Грех сказать, но похожие
судьбы наши с тобой.

Жизнь на место поставила
без большой суеты,
так какого же дьявола
ты черней черноты!?

Эх, монета-ровесница,
с молотком и серпом!
Ты теперь, словно пленница,
с повреждённым гербом!

Нас любили... и мучали,
но достоинств печать
были мы не научены
за гримасой скрывать.
Кроме всякого прочего,
мы во всём — пацаны,
и считали заносчиво,
что нам нету цены.

Эх, монета-ровесница,
я к тебе так привык!
Что же ты, как изменница,
потеряла свой лик?!
Ты, как пчёлка, старательно
собирала из рук
злой нектар обывателей,
наглецов и ворюг...

Всякий, даже ничтожество,
взял тебя — и владей!

На лице твоём крошечном
все пороки людей!

Я — не лучше уродина,
но замечу при том,
что храню верность Родине
всем горбом, как гербом!

ЭТИКОЛОГИЧЕСКОЕ* СТИХОТВОРЕНИЕ

От крючков, гарпунов и сетей,
химикатов и прочей беды
на глазах у голодных людей
рыба к Богу пошла из воды.

А за ней от петель и засад,
стрел и пуль (что ещё там теперь?),
без надежды вернуться назад
исчезает к Всевышнему зверь.

Из кастрюль, сковородок и плит,
словно вылупившись из яйца,
невидимкою птица летит
под крыло голубое Творца.

Человек сиротливо притих,
жажда жизни померкла в глазах:
«Кем на свете мы станем без них?
А они бы прожили без нас!»

Ощутил человек пустоту...
Вся душа его, словно из дыр:
съел гармонию и красоту,
на которых держался весь мир...

ЗИМА В ДЕРЕВНЕ

Деревья инеем покрыты,
а лёд на речке, как стекло...
Берёзы, словно Афродиты,
Сверкают мрамором светло.

Иду знакомою дорогой —
и сельский слышится мотив.
Строй сосен вытянулся строго,
своё дыханье затаив.

За поворотом показалась
деревня тихая моя,
ей что-то, видно, примечталось
под синим небом декабря.

Не замечает, как с пригорка
шагаю медленно к реке
и, весь ликуя, от восторга
перчатки комкаю в руке.

Смотрю с улыбкой: шапку снега
надвинув лихо набекрень,
спит беспризорная телега,
уткнувшись в старенький плетень.

А через поле в ряби света —
навстречу солнечному дню —
розовощёкий мальчик чей-то
ведёт старательно лыжню...

* Этикология (состоит из двух слов: этика и экология) — этическое отношение к природе: к птицам, рыбам, зверям, растениям — ко всему живому.

МОЕЙ ЛЮБИМОЙ 20 ЛЕТ

Моей любимой двадцать лет,
уже светает.
И много лет любимой нет,
пространство тает.
Не знает небо,
что заря
давно бесцветна для меня
и всё— нелепо.
В моей груди стучит гранит,
он боль качает!
Лицо— надгробный монолит—
тоску венчает.
В глухой печали
для меня
не слышно трелей соловья.
В такой печали
страдает скрипочка души,
а звуки— мимо...
Все драгоценности — гроши,
где нет любимой.
Сгорают годы,
дни летят,
как листья в жуткий листопад!
Все эти годы
желтеет на столе портрет,
убрать не смею.
Моей любимой двадцать лет.
А я седею...

КОНЦА У ЖИЗНИ НЕТ

Скажу не для оваций
природе комплимент:
жизнь может оборваться —
конца у жизни нет!
Не к счастью или горю,
а так устроен мир:
не умирает Гоголь,
века живёт Шекспир...
Как прежде, так и ныне
со скрипочкой своей
Никколо Паганини
живёт в сердцах людей.
Чем жизнь бы не венчала,
суть та же всё равно:
предел свой и начало
познать нам не дано.
Мы истину на свете
не можем не признать:
не умирает в детях
заботливая мать.
Как дважды два — четыре,
я знаю наперёд:
тот умирает в мире,
кто прежде... в нас умрёт.
Вся жизнь — подобна чуду!
И мы поймём не раз:
Сергей Есенин всюду
живёт... стихами в нас.
И сердце бьётся пуще,
не совладать мне с ним,
ведь в нём клокочет Пушкин
бессмертием своим!
Не золото пиратов,
не абордажный вой —
живёт Чингиз Айтматов
в культуре мировой.

И вечная картинка:
киргизский скромный быт,
и тополь, и косынка,
и пегий пёс бежит...

Как будто в подтвержденье,
что жизни нет конца,
моё стихотворенье
вселяется в сердца!

А в них живут Гораций,
Петрарка, Байрон, Фет...
Жизнь может оборваться —
конца у жизни нет!

ПОКА В РОССИИ ЕСТЬ ПОЭТЫ

Когда на сердце непогода,
и грусть начнёт одолевать,
раздастся песня из народа —
и ожил весь народ опять!

И запоёт под небом птица,
и зацветут вдоль рек луга...
Народ поющий не боится
любого лютого врага.

Да будет мир от песен тесен,
чисты, как правда, русла рек!
В стране, где много добрых песен,
родится светлый человек.

Пока все песни не допеты,
Нам не приходится тужить!
Пока в России есть поэты,
Весь мир с надеждой будет жить.

МНЕ В РОССИИ РУСИ НЕ ХВАТАЕТ

Я в дорогах страны, как в верёвке,
так запутался — кости трещат!
Я пожизненно... «в командировке»
без надежды вернуться назад.
Всякий раз, возвращаясь упрямо,
попадаю опять вникуда...
То ли денег на транспорт мне мало?
То ль билеты дают не туда?
Помню, пенились брагою кружки...
Оставляя мирские дела,
ах! как пели в деревне старушки
и гармоника в пляску звала!
Отзывались родимые дали,
месяц рябью играл на пруду...
Больше идолов там почитали
трудолюбие и доброту.
Мне в России Руси не хватает!
Я в столицах стал глухонемой!
Я — чужой в каждой алчущей стае,
потому-то и тянет домой!
Не хватает черёмухи русой
и заботливых маминых рук,
возле печки, побеленной русской,
задушевной беседы старух...
Квас и веник — вот символ субботы!
Я в парилке избавлюсь от бед
и пойму: здесь семья и работа,
а деревни и матери — нет...
Нет в округе ни школы, ни церкви.
Люди есть, но души нет живой,
все плутают без веры и цели
и не ведают жизни иной.

Бьются в дикой траве у развалин
колокольчики, будто сердца...
Мы деревни свои мордовали —
стали сами почти без лица.
Мне всё снятся стрекозы у речки...
И как там ни крути, ни верти,
возле русской натопленной печки
я мечтаю покой обрести.
Не случайно терзает истома,
и свербит в голове: Боже мой!
Ведь была же дорога из дома,
значит, где-то должна быть домой...

ОСЕНЬ В ДЕРЕВНЕ

Мёрзнет мокрая дорога
с длинным шрамом колеи.
В луже льдинка-недотрога
силы пробует свои.

Разрумяненные клёны,
как на сцене сельский хор...
Возле сосенок зелёных
шелестит осин костёр...

А у ёлочки-девицы
есть косметика своя:
красит инеем ресницы
перед зеркалом ручья.

Притаившись где-то рядом,
от волнения сам не свой,
любопытным впился взглядом
в ёлку тополь молодой.

Коркой льда хрустит дорога,
меркнет небо за рекой...
За родительским порогом
печка, ужин и покой.

СОЛДАТ ВЕРНУЛСЯ...

«Насовсем, аль на побывку?» —
председатель вопрошал
и, едва сдержав улыбку:
«В форме ты, что генерал!»
Побежала тётка Паня,
прихватив ведро с крыльца,
истопить пожарче баню
для солдата-молодца.
«Ты в фуражке больно важный!» —
щуря глаз, польстил сосед...
И представилось однажды,
как с войны
вернулся дед...

Напуская в избу стужу,
шёл солдат через порог...
Спас он Родину
и душу —
уберечь себя не смог.
Страх и радость — по морщинам
перепуганной жены...
Опустил глаза мужчина —
не вздохнуть от тишины,
сердце сводит от озноба...
Ах! Проклятая война!
Этой встречи ждали оба,
ждали оба...

Вот она!

Он обнять жену желает —
и не может в первый раз!
По щекам, дрожа, сползают
слёзы жгучие из глаз.
На мороз бежать бы в сени,
пусть остынет голова!
Вдруг солдатка — на колени,
и целует рукава!

ХИТРОСТЬ

Чубаровой Людмиле Андреевне

Нет, всё не так,
не так всё, Людка, слышишь?!
И не плети догадок-паутин.
Мои грехи твоих догадок выше,
я потому, наверное, один.
Не помню, в ночь ли, в утро ль молодое
как бы случайно обронила ты,
что я хитрю —
и сердце озорное
затрепетало
в бездне глухоты...
В чём эта хитрость?
Я не понимаю,
и не пойму, наверное, прости...
В том, что я чувств не сдерживаю стаю?
Или не те ищущи к тебе пути?
Тогда и голубь, что с голубкой рядом,
хитрит, а не воркует, не поёт!
И яблоня хитрит над нашим садом,
когда весною каждый год цветёт!
Хитрит в полях пшеница налитая,
хитрит в своём бесплодии гранит,
и если лебедь запоёт, взлетая,
то птица перед гибелью...
хитрит.
Нет, всё не так,
не так всё, Людка, слышишь?!
И не плети догадок-паутин...
Мне кажется,
ты вновь догадкой дышишь:
есть хитрость в том,
что я сейчас один!

ПРИШЛА

Моей жене Марине

Уйдёт закат, придёт рассвет...
А между ними в чреве мрака
надежды нет и веры нет —
лишь пустота страшнее страха!
Не нужен пьяницам уют
и путешествия, и страны...
Здесь только пьют, безмерно пьют
и новички, и ветераны...

И всякий раз в миг искушенья,
я холодею и дрожу,
когда не жалости — спасенья
у смерти собственной прошу:
— Приди беспечная, шальная,
я страх смогу преодолеть!
Лишь ты поможешь мне, я знаю,
моя спасительница-смерть.

Я звал её и пил заразу...
Пришла с решимостью посла
спасать от всех позоров сразу...
С любовью женщина пришла!